

Новикова Алевтина Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ДОКТРИНАЛЬНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ВКЛАД КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ В КОНСТИТУЦИОННУЮ ТЕОРИЮ РИСКОВ

Аннотация. В данной работе на основе анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации сделаны обобщения и выводы о доктринально-интерпретационной роли заявленной судебной практики в теории рисков.

Ключевые слова: риск, правосудие, Конституционный Суд Российской Федерации, постановление, определение.

При конституционном установлении реализации правосудия только судом (ч. 1 ст. 118), ключевая роль, полагаем, принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации, который как судебный орган конституционного контроля самостоятельно и независимо осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Нами разделяется мнение о том, что конституционное правосудие принципиально изменяет само качество правовой системы, оказывает влияние на формирование судебного конституционализма как особого политико-правового режима судебного обеспечения верховенства Конституции, ее судебной-правовой защиты в качестве акта прямого действия, гарантирующего сбалансированную реализацию фундаментальных ценностей и интересов общества в демократическом правовом государстве [1].

При этом, убедительна роль Конституционного Суда РФ в процессе реализации права (и особенно правоприменения). Его разъяснения конституционных норм выступают легальным основанием для деятельности всех органов и организаций.

Бесспорным является влияние деятельности Конституционного Суда РФ на процесс законотворчества. Под воздействием его решений более строго определяется предмет законодательного регулирования, устанавливается правильное соотношение между разными правовыми актами, быстрее восполняются правовые пробелы [2].

Важным направлением воздействия актов конституционного правосудия на развитие правовой системы является преодоление конституционных пробелов, коллизий в правовом регулировании [3, с. 52-78].

Мы солидарны с позицией, высказанной В.А. Витушкиным о том, через деятельность Конституционного Суда РФ ярко проявляется ведущая роль конституционных норм и их влияние на отраслевое законодательство, что подтверждает значимость Конституции как главного источника права [2].

Очевидно, что Конституционный Суд РФ представляет собой действенный механизм защиты отечественной Конституции.

Формирование правосознания граждан и повышение их правовой культуры происходит, в том числе, под воздействием конституционного правосудия.

Кроме того, в рамках конституционного правосудия осуществляется конституционно-интерпретационное обоснование нормативного содержания категорий и институтов действующего права, введение в теорию и практику российской юриспруденции новых конституционных категорий и понятий, в результате чего происходит наращивание (расширение) конституционно-правового смысла понятийно-категориального аппарата правовой системы [4, с. 35-46].

Конституционный Суд РФ оказывает выявленное влияние на развитие правовой сферы российского общества с помощью своих решений.

Одновременно акты конституционного правосудия служат источниками источников права: они не только оказывают существенное влияние, связанное с уточнением юридических характеристик сложившейся источниковой базы действующего права, но и служат нормативной основой для формирования новых источников права [5, с. 111-124].

Полагаем, практико-юридический и межотраслевой потенциал актов конституционного правосудия существенно усиливается характерным для них единством нормативных и доктринальных начал. При этом нормативность и доктринальность – не самостоятельные характеристики решений Конституционного Суда РФ, они существуют именно в единстве, что порождает новое, интегральное качество данного вида актов. Это означает, что нормативные начала решений Конституционного Суда РФ, обладая высокой степенью информационно-правовой насыщенности и обобщенности, способностью отражать высшие конституционные ценности, принципы и основные начала на основе баланса публичных и частных интересов, воплощая в себе сплав концептуальных научно-теоретических подходов с реальной юридической практикой и международно-правовой регламентацией, во многом приобретают признаки конституционной доктрины, имеющей межотраслевое значение. Во-вторых, заложенные в решениях Конституционного Суда РФ аксиологические подходы, идеи и принципы, сформулированные на основе Конституции и опосредующие отношение органа конституционного контроля к социально-экономическому, политическому, социокультурному содержанию и юридическому оформлению ре-

альных общественных отношений, придают решениям Конституционного Суда РФ качества общеобязательности, нормативной доктринальности [1].

В видовом аспекте Конституционный Суд РФ принимает постановления, определения, заключения и решения по организационным вопросам. Две последние разновидности не имеют нормативного значения. Хотя определения Конституционного Суда РФ и относят к категории иных решений, принимаемых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, тем не менее, сложившаяся практика показала, что некоторые виды определений имеют правовой статус, близкий к итоговым решениям (к примеру, позитивные и «квази-позитивные» определения). Данная ремарка сделана нами намеренно, так как исследование посвящено анализу решений Конституционного Суда РФ именно в форме постановлений и определений.

Разрабатывая в конституционно-правовой науке теорию рисков, пополняя ее содержанием их различных видов, полагаем, помимо доктринальных и регулятивных источников, важное значение принадлежит правоприменительным актам. Среди них ключевыми являются решения Конституционного Суда РФ, представляющие собой правовые акты судебной власти, посредством которых Суд осуществляет свои государственно-властные полномочия по обеспечению защиты основ отечественного конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей ее территории [6].

В рамках данной работы с учетом правового значения постановлений и определений Конституционного Суда РФ, представим результаты выявления в них подходов к интерпретации рисков.

Обратим внимание и, на наш взгляд, это еще один аргумент прикладного характера, демонстрирующий корреляцию государственных усилий в минимизации рисков, связанных с субъективными правами и свободами. Данное следует, к примеру, из Определения Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2019 г. № 854-О. Так, проводя социально-экономическую политику и осуществляя правовое регулирование в сфере социального обеспечения, государство, для которого социальные права граждан являются одной из высших ценностей, обязано принимать в расчет материальные ресурсы, необходимые также для выполнения иных конституционно значимых задач и защиты других конституционных ценностей в условиях актуальных и потенциальных рисков и вызовов [7].

Здесь же уместно упомянуть об аналогичном сопряжении государственных усилий с минимизации рисков для охраняемых Конституцией РФ ценностей, конкретизируя среди публичных субъектов законодательные органы. В Определении Конституционного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № 1709-О отмече-

но следующее: поскольку на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление, таким образом, чтобы исключить возможность рецидива преступлений, федеральный законодатель, минимизируя риски для охраняемых Конституцией РФ ценностей, был вправе ограничить доступ к оружию для лиц, имевших судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные с применением оружия, сам факт которых свидетельствует об их повышенной (особой) общественной опасности (ст. 15). Такое ограничение продиктовано обоснованными сомнениями в том, что указанные лица будут использовать оружие сугубо в правомерных целях [8].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 10.07.2018 г. № 30-П также выявлена непосредственная связь деятельности органов публичной власти с минимизацией рисков. Так, согласно положениям приведенного Постановления, сопряженность деятельности по производству и передаче коммунальных ресурсов с негативным воздействием на окружающую среду предопределяет необходимость принятия публичной властью, несущей наряду с субъектами хозяйственной деятельности конституционную ответственность за сохранение природы и окружающей среды, мер, направленных на предупреждение и минимизацию экологических рисков в жилищно-коммунальной сфере, включая меры по ресурсосбережению и повышению энергетической эффективности многоквартирных домов [9].

Далее заметим, что Конституционный Суд РФ систематически обращается к видовому многообразию рисков, употребляя их в своих решениях в различном содержательном объеме. В этой связи еще раз сошлемся на представленное выше решение Конституционного Суда, оперирующее термином «экологический риск».

В рассматриваемой практике распространено использование категории риска преждевременной утраты трудоспособности. По этому поводу Конституционным Судом РФ конкретизирована обязанность Российской Федерации как правового социального государства принимать дополнительные компенсирующие меры, минимизирующие негативное воздействие, которое оказывает на здоровье человека проживание и осуществление трудовой деятельности в регионах с особыми климатическими условиями, и связанный с этим риск преждевременной утраты трудоспособности [10].

В практике Конституционного Суда наличествует обращение к социальным рискам материнства. Так, дополнительные меры государственной поддержки предоставляются в связи с реализацией социального риска материнства, охватывающего беременность и рождение ребенка, а право женщин на их получение обусловлено фактом рождения второго, третьего или последующих де-

тей. В связи с этим право мужчины на дополнительные меры государственной поддержки по случаю рождения ребенка является производным от права женщины и может быть реализовано лишь в случае, когда возникшее у женщины право на указанные меры прекратилось по основаниям, предусмотренным законом [11]. Как видно, указанное определение не только контекстно использует категорию социальных рисков материнства, но также дает их краткую дефиницию.

В дефинитивном ракурсе также следует упомянуть Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 г. № 14-П, интерпретировало финансовые риски. В соответствии с ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» саморегулируемые организации не вправе осуществлять предпринимательскую деятельность. Вместе с тем, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, лицо, заключая договор банковского вклада с целью получения процентов, осуществляет иную не запрещенную законом экономическую деятельность, предполагающую определенный финансовый риск, связанный с тем, что деятельность кредитных организаций, принимающих деньги вкладчиков во вклады, представляет собой предпринимательскую деятельность, т.е. самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли (п. 1 ст. 2 ГК Российской Федерации); этот финансовый риск включает в себя и вероятность отрицательного финансового результата в деятельности кредитной организации вплоть до ее банкротства, и последующую невозможность страхового возмещения по вкладу в случаях, прямо установленных законом [12, 13, 14].

В видовом аспекте, полагаем, объективно многочисленны риски с социальным компонентом. К примеру, обнаружены еще социальные риски [15] и социальные страховые риски [16].

Среди иных разновидностей рисков выявлен коррупционный риск должности [17].

Радиационный риск согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2017 г. № 40-П употребляется в контексте

- зоны, опосредующей охрану здоровья граждан;
- возмещения вреда вследствие проживания и работы на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению;
- снижения риска радиационного ущерба;
- различий его степени в зонах отчуждения и отселения, обуславливающих применение различного порядка проведения эвакуации и переселения;
- минимизации неблагоприятных последствий [18] и др.

Решения Конституционного Суда РФ последовательно подтверждают устоявшиеся правовые нормы о предпринимательской деятельности с ее неотъемлемым признаком рискованного характера [19, 20].

Отметим, что представленное в данной работе многообразие рисков, к которым в доктринально-интерпретационном аспекте обращается Конституционный Суд РФ, является неисчерпывающим. Однако позволяет сделать выводы о повсеместности распространения данного явления; доктринировании положений о риске органом конституционного судебного контроля; корреляции деятельности органов публичной власти с необходимостью минимизации рисков различных видов.

Литература:

1. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017.
2. Витушкин В.А. Определения Конституционного Суда Российской Федерации: особенности юридической природы. М.: НОРМА, 2005.
3. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 52-78.
4. Бондарь Н.С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 35-46.
5. Джагарян А.А. Вмененная безупречность: решения Конституционного Суда Российской Федерации и правовое качество // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2 (99). С. 11-124.
6. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2019 г. № 854-О // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 03.12.2019 г.).
8. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 г. № 1709-О // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 03.12.2019 г.).
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.07.2018 г. № 30-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 6.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 г. № 38-П // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7913.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 г. № 2922-О // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 03.12.2019 г.).
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 г. № 14-П // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3161.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 г. № 1677-О // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 03.12.2019 г.).
14. Определение Конституционного Суда РФ от 09.11.2017 г. № 2515-О // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 03.12.2019 г.).
15. Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 г. № 856-О // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 03.12.2019 г.).
16. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 г. № 329-О от 27.09.2018 г. № 2269-О // Документы опубликованы не были; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 03.12.2019 г.).
17. Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 г. № 2798-О // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 13.07.2018 г.).
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2017 г. № 40-П // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7915.
19. Определение Конституционного Суда РФ от 09.11.2017 г. № 2515-О // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 13.07.2018 г.).
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.2017 г. № 34-П // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7532.